

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

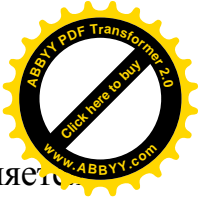
Сегодня на постсоветском пространстве национальный фактор все больше приобретает политическую окраску, так как нация выступает активным субъектом политики, а национальные отношения - важнейшим элементом социально-политических отношений общества. Межнациональные отношения тем самым становятся крупной проблемой, которая затрагивает политические процессы и институты бывшего СССР, где в процессе модернизации общественной системы обнаружилось острые межнациональные противоречия и конфликты.

Конфликт - неизбежный результат всякой системы управления, любой иерархически организованной системы. «Социальный конфликт существует в том случае, когда две или большее количество сторон убеждены в том, что цели их деятельности несовместимы» [1]. Если исходить из этой посылки, то конфликты в определенном смысле неизбежны, однако в кризисном нестабильном обществе по сравнению со стабильным значительно большее число «сторон» выдвигают несовместимые друг с другом «цели деятельности», не говоря уже об интересах, именно поэтому в просторах бывшего СССР, частью которого были суверенные государства современной Центральной Азии уже с середины восьмидесятых годов число и разнообразие конфликтов (политических, экономических, культурных и, учитывая полиэтничность государства, этнических) растет в геометрической прогрессии.

Существование конфликта обусловлено существованием социальных неравенств. Эта посылка лежит в основе теории Р. Дарендорфа, одного из наиболее известных конфликтологов нашего времени [2]. С его точки зрения, для регулирования конфликта важны три обстоятельства.

Во-первых, наличие ценностных предпосылок. Каждая из сторон конфликта должна признавать наличие конфликтной ситуации, и в этом смысле ее исходная ситуация заключается в том, что за оппонентом признается само право на существование, что, конечно, вовсе не означает признания справедливости его содержательных интересов. Иными словами, регулирование конфликта невозможно, если одна из сторон заявляет, что ее оппонент не имеет право на существование, а его позиция лишена всяких оснований.

К слову, именно такое «патовое» положение отличает состояние абхазского конфликта, где грузинская сторона фактически отрицает само право на существование суверенной Абхазской Республики, в определенном смысле - и грузино-российского конфликта, так как Тбилиси исходит из полного игнорирования претензий абхазской стороны.

Во-вторых, важным моментом в регулировании конфликта является степень организованности сторон: чем более они организованы, тем легче достичь договоренности и добиться исполнения условий договора. И напротив, диффузный характер интересов, их расплывчатость затрудняет разрешение конфликтной ситуации.

Если привлечь те же примеры, что и в первом случае, то по этой предпосылке регулирования конфликта менее организованными представляются «сепаратистские» стороны - карабахская, чеченская, и особенно абхазская. Правительство Саакашвили не было в состоянии даже пресечь военного захвата мирного народа, а интересы Абхазии заметно расходятся с позицией официального Тбилиси.

В-третьих, конфликтующие стороны должны согласиться относительно определенных правил игры, при соблюдении которых только и возможен переговорный процесс. Эти правила должны предоставлять равенство возможностей для каждой из сторон, т. е. обеспечивать некоторый баланс в их взаимоотношениях.

Последняя предпосылка регулирования фактически во всех конфликтах этно-национального характера отсутствует, ибо сторона, стремящаяся к отделению (сепессии), уже априори оказывается в неравном положении относительно стороны, представляющей уже существующее государство - субъект международного права. Исходное равенство возможностей может существовать в политических или экономических конфликтах, ибо стороны его в известном смысле равноположены, в то время как государство и часть его, ориентированная на сепессию, обладают неравными политическими статусами [3].

В отличие от Дарендорфа, исходящего из неизбежности конфликтов, английский социолог Антони Гидденс разделяет «противоречие» и «конфликт». Как он полагает, противоречия далеко не всегда влекут за собой конфликты. Для превращения противоречия в конфликт необходимо осознание противоположности интересов и соответствующая мотивация поведения. Под конфликтом он имеет в виду «реальную борьбу между действующими людьми или группами независимо оттого, каковы истоки этой борьбы, ее способы и средства, мобилизуемые каждой из сторон» [4].

Иными словами, если экстраполировать позицию А. Гидденса на этническое пространство, в котором действует иерархия групп и отношения неравенства, то оно изначально внутренне противоречиво (это положение мы называем как раз латентной конфликтогенностью), однако собственно конфликт разворачивается лишь в том случае, когда противоположность интересов не только осознается, но и концептуализируется, становится импульсом действия, в этом, напомним, как раз и проявляется мотивационная функция этничности на стадии ее мобилизации.

Нейл Смелсер в своей теории коллективного поведения справедливо обращает внимание на иррациональность коллективных действий, приводящих к конфликту. Напомним, что именно иррациональность и является отличительной стороной этничности. Суть его концепции состоит в том, что в развитии

коллективных настроений, подготавливающих вспышки насилия и ненависти. Это одно состояние при определенных обстоятельствах может перейти в другое: ситуация неопределенности приводит к истерической реакции, которая превращает эту неопределенность в абсолютную угрозу, которая в свою очередь может привести к разрушительным массовым действиям. На этом фоне неизбежно формируется образ врага, который ответственен за возникновение угрозы [5].

Совершенно очевидно, что так называемая перестройка в СССР и последовавшие за ней процессы политической и экономической трансформации как раз и создали «ситуацию неопределенности», о которой говорит Н. Смелсер, затронув и этническое пространство СССР. Не случайно, образ этнического врага постоянно подпитывается как деятельностью национальных движений, так и массовое сознание граждан постсоветских государств. Ведь наличием «вражеских происков» легко объяснить и снижение уровня жизни, и психологический дискомфорт частного человека.

Этническая мобилизация почти всегда развивается на фоне массовой истерии, ибо одной из важных предпосылок ее возникновения становится обеспечение коллективного, в данном случае этнического, самосохранения, на что обратил внимание еще П. Сорокин в своем объяснении социальной напряженности [6]. И в этом, напомним, реализуется защитная функция этничности.

Итак, из всего сказанного выше становится очевидно, что этнический конфликт является частной формой социального конфликта, а внутренняя противоречивость (латентная конфликтогенность) этнического пространства в случае системного кризиса, т. е. и внешней (социальной) и внутренней (психологической) неопределенности, с большой долей вероятности перейдет во множество открытых трудно разрешимых конфликтов, подпитываемых массовой истерией в форме конструирования образов врага - «чужака», ответственного за все сложности и неурядицы переходного периода.

Все авторы, пытающиеся по-своему определить категорию «этнического конфликта» исходят из следующих посылок:

во-первых, наличия двух или более сторон, которые могут быть представлены национальными движениями, политическими партиями или государственными органами как местными, так и центральными;

во-вторых, оценки ситуации как противоречия между интересами отдельных этнических (субэтнических) групп внутри единого этнического пространства или между интересами какой-то этнической группы, находящейся в положении национального меньшинства, с одной стороны, и государственными институтами, представляющими интересы титульного народа (национального большинства), - с другой стороны.

Таким образом, самой общей классификацией этнических конфликтов служит деление их на два класса по особенностям противостоящих сторон:

1) «горизонтальные» конфликты между этническими группами (например, осетино-ингушский конфликт или ферганский конфликт между узбеками и

турками-месхетинцами);

2) «вертикальные» конфликты между этнической группой и государством (например, чеченский, карабахский или абхазский конфликты).

В своем определении А. Ямсков [7] концентрирует внимание на конкретных действиях участников конфликта:

«Этнический конфликт - это динамично меняющаяся социально-политическая ситуация, порожденная неприятием ранее сложившегося статус-кво существенной частью представителей одной (нескольких) из местных этнических групп и проявляющаяся в виде хотя бы одного из следующих действий членов данной группы:

а) начавшейся этноизбирательной эмиграцией из региона, ("исход", "массовое переселение"), существенно изменяющей местный этнодемографический баланс в пользу "других", остающихся этнических групп;

б) создания политической организации ("национального" или "культурного" движения, партии), декларирующей необходимость изменения существующего положения в интересах указанной этнической группы (групп) и тем самым провоцирующей ответное противодействие органов власти и/или политическую мобилизацию другой (других) местной этнической группы в защиту статус-кво, вполне удовлетворяющего последних;

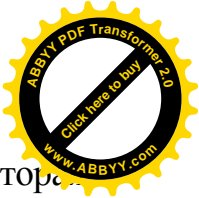
в) спонтанных... акций протеста против ущемления своих интересов со стороны представителей другой местной этнической группы и/или органов государственной власти в виде массовых митингов, шествий, погромов».

В этой дефиниции автор исходит из социально-психологического определения конфликтных вариантов межгрупповых отношений [8]. Соглашаясь с ним по существу толкования действий, в которых проявляется наличие конфликтной ситуации, в нашем определении «отправной точкой» является изменение этнического пространства или пересечения этнического и политического пространств.

Под этническим конфликтом мы понимаем социальную ситуацию, обусловленную несовпадением интересов и целей отдельных этнических групп в рамках единого этнического пространства или этнической группы (групп), с одной стороны, и государства, с другой, на пересечении этнического и политического пространства, выражающуюся в стремлении этнической группы (групп) изменить сложившиеся этнические неравенства или политическое пространство в его территориальном измерении.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, этнические конфликты имеют стадиальную динамику (степень напряженности) и в этом контексте рассмотрения их можно классифицировать по уровню притязаний и форме проявления. В первом случае динамика развития конфликта выглядит следующим образом:

1. В период зарождения конфликтной ситуации выдвигаются требования, связанные с повышением роли языка коренного населения региона, национальные движения обращаются к традициям, обычаям, народной

культуре, в целом к этнонациональной символической, которая противопоставляется «чуждым» символам и ценностям. Эту стадию можно назвать ценностно-символическим конфликтом, обусловленным защитной и регулятивной функциями этничности.

2. Вторая стадия характеризуется стремлением перераспределить властные полномочия в пользу одной этнической группы за счет других групп, изменить этническую иерархию, повысить этнический статус коренных жителей и т. п. На стадии статусного конфликта этничность, актуализированная в форме этнонациональных интересов, становится для местной элиты инструментом «давления» на центральную власть с целью реорганизации существующего этнополитического пространства в свою пользу. Основной становится инструментальная функция этничности.

3. Третья стадия, вероятная, хотя и не обязательная, доводит развитие конфликта до выдвижения либо территориальных притязаний в рамках данного этнополитического пространства, либо притязаний на оформление новой этнонациональной государственности, т. е. изменения территориальных контуров существующего политического пространства. Таким образом, в этом случае идет речь либо о территориальном, либо о сепаратистском конфликте. На этой стадии этническая группа может прибегнуть к силовым действиям, чтобы силой оружия подкрепить свои притязания.

В период с 1986 по 1991 годы подобная стадийная динамика была характерна для развития конфликта между отдельными союзными республиками и Союзным центром, который, как известно, завершился дезинтеграцией политического пространства СССР. По такому же «сценарию» развивался и конфликт в СФРЮ, закончившийся распадом и этого федеративного государства.

На субъективизированном уровне этнический конфликт развивается в форме последовательно меняющегося поведения в этноконтактной среде - отчуждение сменяется неприязнью, которая в свою очередь может перерасти в насилие.

Отчуждение - это своего рода пролог конфликтной ситуации в полиэтничном обществе. Эта стадия проявляется в форме стремления к этнически однородным бракам, к моноэтническому общению, к минимизации контактов с иноэтнической средой за исключением неизбежных - профессиональных или бытовых. Иными словами, речь идет об увеличении социокультурной дистанции. Именно такое поведение, судя по данным социологических исследований, характерно в последние годы для этнодисперсных групп в крупных российских городах, для русской «диаспоры» в постсоветских государствах. Отчуждение чаще всего обусловлено кроме причин ситуативного характера культурными различиями, несхожими стереотипами поведения.

Переход в стадию неприязни связан со следующими причинами:

- 1) культурными (частичная этнокультурная

денационализация, вина за которую экстраполируется на соседствующую этническую группу);

2) экономическими (большая экономическая успешность одной этнической группы по сравнению с другой, особенно в условиях общего снижения уровня жизни всего населения);

3) правовыми (законодательная дискриминация одной этнической группы в пользу другой);

4) политическими (манипуляция массовым сознанием со стороны политических партий или национальных движений). Для жителей крупных российских городов, судя по данным исследований, ведущими оказываются экономические мотивы неприязни (в частности, это главные мотивы «кавказофобии»), для населения государств СНГ и Прибалтики - в большей мере культурные, правовые и политические.

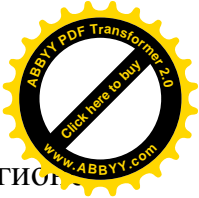
Стадия насилия (в обыденном сознании - это и есть собственно конфликт) уже выходит за пределы не только этнических, но и национальных отношений, ибо в него оказываются втянутыми люди не только по этническому происхождению, но и политическим пристрастиям, включенности в те или иные статусные группы, просто по месту жительства в зоне конфликта. На этой стадии конфликт становится формой политического действия и средством достижения политических целей.

Конфликт в силовой стадии протекания может использоваться как:

- инструмент борьбы за власть (например, в Грузии в момент прихода к власти Э. Шеварднадзе);
- инструмент удержания власти (например, противостояние М. Снегура и парламентской оппозиции в канун приднестровского конфликта);
- инструмент геополитики (например, на Кавказе в целом, где соприкасаются, с одной стороны, государства, представляющие северо-западную христианскую цивилизацию (Россия, Грузия и Армения), с другой же, - государства и национально-территориальные образования, принадлежащие к юго-восточной исламской цивилизации (Азербайджан и северо-кавказские республики России).

Этнические конфликты чаще всего различают по их приоритетным целям[9]. Если их расположить по нарастающей сложности достижения компромисса или урегулирования, типология будет выглядеть следующим образом:

1. Культурно-языковые конфликты, связанные со стремлением сохранить или возродить полноценное функционирование языка и традиционной культуры в условиях прогрессирующей аккультурации, которая неизбежно приводит к постепенному «размыванию» этнокультурной идентичности.

Межнациональные конфликты в центральноазиатском регионе подпитываются миграцией, приведшей к перемещению людей в поисках работы и лучших условий жизни. Столкновения на межнациональной почве в регионе, проходившие под лозунгом защиты "земли отцов" от нашествия "чужаков", осуществлялись при активном участии безработной молодежи, люмпенизированных, криминальных элементов. Например, движение скинхедов, неонацистов и т.д.

К числу постоянно действующих факторов, способных привести к обострению отношений между этнорелигиозными группами населения, относится устойчивость в массовом сознании этнических и религиозных стереотипов населения, с помощью которых легко распространяются мифы, слухи, рождающие недоверие, враждебность к людям иной нации, веры.

Хотя политические процессы дезинтеграции СССР и содействовали разгоранию межнациональных конфликтов, причины возникновения последних, как правило, объективны, а корни зачастую уходят в историю. На межнациональных отношениях, несомненно, отражаются сложные коллизии исторического прошлого, деструктивную роль играют застарелые разногласия и обиды, реанимируемые политиками и идеологами, преследующими разные цели с той или другой стороны.

В изучении конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях, поиске эффективных путей их разрешения немаловажное значение имеет раскрытие роли в межнациональных конфликтах этносоциальной памяти как специфической формы аккумуляции и трансляции социально-этнического опыта.

Социальная память - сложное и многокомпонентное явление (историческая память, политическая память и т.д.), которое выступает одним из важнейших условий существования общества, базируется на накоплении, хранении, трансляции социально значимой информации.

Этнический фактор является одной из детерминант социальной памяти. Составляющая содержание этносоциальной памяти - это факты, сюжеты, характеризующие своеобразие исторического пути народа, совокупность культурных и материальных ценностей, лежащих в основе этнической идентификации. Этносоциальная память представляет своего рода "национально-генетический код", хранящий информацию об историческом развитии, условиях существования и этническом потенциале социальной общности. Кодирование культурного и социального опыта этноса в памяти - многоплановый процесс, который протекает как в сфере интеллектуально-духовной, так и в материально производственной деятельности. Главная функциональная характеристика этносоциальной памяти - сохранение и передача самоидентичности национальной общности. Аккумулируемая этносоциальной памятью информация посредством института воспитания и образования, механизма социального наследования

транслируется от одного поколения к другому, и именно это обеспечивает идентификацию этнической общности, т.е. степень выраженности этнического "я". В свою очередь этническое "я" с учетом интересов, на основе разума будет ревизировать свою этническую память.

Постановка и обсуждение проблем этносоциальной памяти вызвано во многом тем, что собственно сам данный феномен крайне неоднозначен, воплощаемый как со знаком «минус», так и со знаком «плюс».

Каждое новое поколение обращается к прошлому не только с целью связи с минувшим, но исходя из своих нынешних интересов. Разные политические, общественные силы видят в социальной памяти то, что хотят видеть. Этносоциальная память всегда избирательна, потому что здесь всегда присутствует субъективный фактор, то есть факты и события воспроизводятся через призму интересов личности, различных национальных групп.

2. Социально-экономические конфликты, в которых выдвигаются требования выравнивания уровня жизни между отдельными этническими группами («богатыми» и «бедными»), предоставления квот «коренному населению» во властных группах или элитных слоях, распоряжения природными ресурсами в интересах той этнической группы, на территории которой они находятся [10]. Как показывают сегодняшние реалии Центральной Азии, конфликты в межнациональных отношениях возникают, как правило, на социально-экономической базе. В частности, на базе экономического неравенства между этноконфессиональными сообществами. Это выражается в осуществлении "права большинства", дающего преимущества титульному этносу. Конфликт может быть вызван и неудачной экономической политикой, что в целом свойственно многим государствам Центральной Азии, в результате которой появляются массовая безработица, маргинализация и люмпенизация значительной части населения, особенно молодежи.

3. Территориальные конфликты между отдельными автономиями в пределах единого политического пространства федеративного государства или этнической группой, не имеющей (лишенной) собственного образования, с одной стороны, и автономией или государством в целом, - с другой. Такого рода конфликты уже предполагают существенную «перекройку» внутри этнополитического пространства.

Одними из основных причин конфликтности на этнической почве являются этнотерриториальные проблемы, в обосновании многих, если не большинства этнотерриториальных требований и притязаний, лежат ссылки на историческую память. Рассмотрим это положение на примере Центральной Азии.

Большинство территориальных споров в Центральноазиатском регионе имеют свои исторические корни, во многом связанные с национально-территориальным размежеванием, произведенным в 1920-е годы советской властью. Трудности национально государственного размежевания в

Центральной Азии обуславливались, прежде всего, тем, что этнические границы не были проведены объективно. Установленные в советский период политические границы во многом не соответствовали этническому расселению в регионе. Несовпадение этнического расселения и политических границ объясняется сложным характером этнических процессов в Центральной Азии. Территориальное смешение народов, чересполосное проживание населения различных национальностей в регионе превращали этнические границы в более или менее широкую зону.

До вхождения в состав Российской империи в XIX веке основные оазисы региона были поделены между Хивинским и Кокандским ханствами и Бухарским эмиратом, и окружены в основном кочевыми народами. После 1917 года земли Хивинского ханства были поделены между Узбекистаном, Казахстаном и Кыргызстаном; Кокандского ханства - между Узбекистаном, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном; Бухарского эмирата - между Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном. Создание государственности осуществлялось на основе национального, а не территориального принципа, как прежде, хотя ни одна из республик этого региона не обладала в те годы собственным национальным большинством на выделенных землях. При определении границ на основе национально-политических принципов за основу бралось преобладание той или иной национальности, компактно проживавшей на той или иной территории, исключая возможность каких-либо территориальных перерывов. За годы существования союзного государства центральноазиатские республики во многом стали соответствовать этническим самоназваниям, но все же территориальные притязания остаются дестабилизирующим фактором межнациональных отношений.

В Центральной Азии основными инициаторами этнотерриториальных претензий выступают преимущественно национальные движения, политические партии и этнические общины. В отличие от других регионов бывшего СССР, территориальные притязания и требования практически не выдвигаются на государственном уровне. Одним из немногих исключений является спор между правительствами Таджикистана и Кыргызстана по пограничному вопросу. Между двумя этими государствами существует ряд спорных участков на границе. Дефицит земельноводных ресурсов, высокий уровень безработицы превращают многие приграничные районы обеих республик в зону хронической нестабильности, чреватую конфликтами. Так, в 1989-1990 гг. произошли столкновения между таджиками Исфаринского района Таджикистана и кыргызами Баткенского района Кыргызстана, вызванные земельно-водными проблемами. Гражданская война в Таджикистане привела к "выдавливанию" тысяч этнических кыргызов на историческую родину многочисленными беженцами из глубинных районов Таджикистана, где ведутся боевые действия.

4. Статусные конфликты, связанные с выдвижением требований по изменению (повышению) политического статуса и объема властных полномочий той или

иной этнотерриториальной автономии, чаще всего возникающие в условиях организации государства на принципах национально-территориального федерализма.

С конфликтами "депортации" тесно связаны конфликты "репатриации". Выдвигая этнотерриториальные требования, национальные движения зачастую связывают их с воспоминаниями об "исконных" территориях народов. Так, в государствах Центральной Азии начинают раздаваться призывы о возвращении на историческую родину когда-то вытесненных с нее народов (туркменова полуостров Мангышлак в Казахстане, кыргызов - на Памир в Таджикистане, казахов - в Ташкентский оазис в Узбекистане). В соответствии с политикой национального государственного разме-

С конфликтами "депортации" тесно связаны конфликты "репатриации". Выдвигая этнотерриториальные требования, национальные движения зачастую связывают их с воспоминаниями об "исконных" территориях народов. Так, в государствах Центральной Азии начинают раздаваться призывы о возвращении на историческую родину когда-то вытесненных с нее народов (туркменова полуостров Мангышлак в Казахстане, кыргызов - на Памир в Таджикистане, казахов - в Ташкентский оазис в Узбекистане). В соответствии с политикой национального государственного размежевания, проведенной советской властью в 20-30 годах, эти народы были переселены (частично или полностью) соответственно в Туркмению, Кыргызстан и Казахстан.

Апеллируя к исторической памяти народа, различные силы пытаются исторически обосновать свои притязания на принадлежность той или иной спорной территории. В качестве основного аргумента выдвигается положение о том, что данный народ некогда проживал или проживает на данной территории. При этом не учитывается, а чаще всего игнорируется процесс становления той или иной исторической общности в результате длительного исторического развития, происшедшие в структуре населения спорных территорий изменения.

Незнание и сокрытие исторического прошлого, содержащего и положительный опыт межнациональных отношений, и трудные противоречия, привели и приводят к взаимному отчуждению людей, зачастую выливаются в межнациональные конфликты.

В этом кроется немаловажная причина кыргызско-узбекского конфликта (Ошская область Кыргызстана, 1990 г.). Мотивация этого конфликта была, прежде всего, обусловлена ухудшением социально-экономического положения различных национальных групп. Ошская область находилась на последнем месте в республике по ряду показателей, характеризующих уровень благосостояния населения. Остро стояли проблемы занятости, жилья. Дестабилизации межнациональных отношений способствовал различный социальный статус национальных групп в регионе: если узбеки, главным образом, были заняты в торговле, общественном питании и транспорте, то кыргызы преимущественно в

сельском хозяйстве, животноводстве. Перекосы в кадровой политике области в пользу кыргызов при комплектовании управленческих структур, имеющиеся трудности в удовлетворении национально-культурных запросов породили у части узбеков идею о создании в этом районе узбекской автономии, необходимости пересмотра границ Ошской области в пользу Узбекистана. В то же время, отсталость социально-бытовой сферы села, бедственное положение значительной части семей, в основном многодетных, породили у рядовых кыргызов мнение об ущемленности интересов их народа на своей родной земле [11].

Одной из важных причин ошского конфликта явился низкий уровень культуры межнациональных отношений как кыргызского, так и узбекского населения. "Национализм просачивался с невинных, на первый взгляд, склонов с ревностной монополизацией, с приписыванием только своей части имен и деяний исторических личностей прошлого, с отказом другим в причастности к общетюркской духовной панораме" [12]. Произошло, как точно выразился Ч. Айтматов, размежевание исторического сознания этих народов. Изучение самого феномена общетюркского самосознания до недавнего времени пресекалось и рассматривалось как происки пантюркизма. Давно назрела задача создания летописи совместной истории народов, населяющих Центральную Азию, так как до сих пор каждая республика ограничивалась лишь своей этнической версией, замыкаясь в ней, как в "скорлупе".

5. Сецессионные конфликты, в которых выдвигаются требования по созданию собственной независимой государственности или воссоединения с соседним («материнским» или «родственным») государством. Решение подобного конфликта возможно исключительно посредством изменения территориальных контуров данного политического пространства.

Литература:

1. Krisberg L. Social conflicts. //Prentic Hall. -1982 2-nd. – P. 17.
2. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in an Industrial Society. – London, 1969.
3. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. – М., 1994; Дмитриев А. А., Кудрявцев В. И., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов. – М., 1993; Сикевич С. В. Социология и психология национальных отношений: Учебное пособие. – СПб., 1999.
4. Giddens A. The Constitution of Society. - Cambridge, 1989. – P. 198-199.
5. Smelser N. J. Theory of Collective Behaviour. – N. Y., 1962. – P. 86.
6. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992 – С. 272-273.
7. Ямсков А. Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. – С. 206-207.
8. Taifel H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology - Cambridge, 1981.

9. Сикевич З. В. Национальное самосознание русских. – М.: Открытое общество, 1996. – С. 42.
10. Понятие социальной памяти имеет различные толкования и применения в истории и социологии. К примеру, в 1992 году во Франции была защищена докторская диссертация по политическим наукам на тему "История и память политических партий: коммунистическая память": /Lavahre M. Histoire et memoire es parties politiques: la memoire communiste. - Paris, 1992.
11. Национальный состав населения СССР. – М.: Финансы и статистика, 1991. – С. 12-19.
12. К примеру, в Баткенском и Ляйлякском районах Ошской области Кыргызстана насчитывается около 70 спорных участков // Эхо науки. – Бишкек, 1996. - № 4. – С. 57-58.
13. Развитие межнациональных отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. - Бишкек, 1995, - С. 255-267.
14. Айтматов Ч. Т. Вороний грай над оползнем: Ошские раздумья, год спустя // Известия. – 1991. -31 июля.